***

Подслеповатый демиург
и безобидный идиот,
пуржа глаза снегами пург,
наощупь движется, бредёт,
шагает с жизнью налегке –
ему легко идти дано –
бормочет смерть на языке,
блаженно вымершем давно…

И с каждым шагом смерть длинней,
но я не ведаю, дурак,
подземное змеенье дней,
ночей, отпущенных во мрак.
Беспечные – и ты, и я –
безумье держим взаперти
на тонкой кромке бытия,
на еле видимом пути.

И я кричу: «Открой! Открой!»,
так что меня туда влечёт –
в библейский беспощадный зной,
где все круги наперечёт,
деревья голы, воздух сжат,
морозный ветер сеет свет,
где наши двойники лежат,
а наших душ в помине нет?

ИЗ РИЧАРДА РОРТИ

о.Томашу Достатнему

«His glassy essence, like an angry ape
Plays such fantastic tricks before high heaven »
Shakespeare

А ты опять о зеркале природы
твердишь, бормочешь, зараженный зудом!
Декарт и Кант, и Лейбниц, и Спиноза –
шарманка заунывная твоя.

Могу себе представить любомудров,
их нудные протесты против Бога
и преклоненье перед Человеком,
чей жизни смысл им *удалось прозреть*!

А между тем, метафора *познанья*
обычным глазом кажется мне мутным
убогим суррогатом постной веры,
ленивым оживленьем средь теней.

Наш ум зеркален, сделанный из стекол
субстанции возвышенной и тонкой,
он светится, не затененный телом,
и с ангелами горними роднит.

Но человеку при его гордыне,
в его житьишке глупом, скоротечном,
о даре сущности зеркальной неизвестно –
кривляется мартышкою в трюмо.

И плачут ангелы над трюкачом злобливым,
они бы, бедные, до колик досмеялись,
будь на минуту смертными, как люди,
не сознающими невежество свое.

***

Пыхтит маневровый,
споткнулось молчание – звук,
Зачехлены тени, зажмурены
льдистые лужи,
В застегнутом наглухо сквере
брожу, близорук,
Душа для видений ослепла
внутри и снаружи.
Раскроен по меркам ненастья
осенний разброд,
Отклеилось время
от вмерзшего в холод пространства,
Афишей кружится
в дыре почерневших ворот,
А мне – недород,
неустройство и непостоянство.
Вторичные признаки жизни –
сомненье и страх,
И слышится темное слово,
как злая обида:
Вглядись в этот лист, через осень,
и морок и прах
На дряблой ладони проявится
карта Аида.

***

Однажды я жил в стороне от дороги,
Где холод, и ночь, и темно.
Сосед забредал, доходяга убогий,
Весь вечер мы пили вино.

Он в грудь барабанил и бил что есть мочи,
Кричал: «Ты не любишь меня!
А я с каждым днем становлюсь все короче,
Я в дым ухожу из огня!

Меня в этом чаде не видно, быть может,
И листья, сгорая, шуршат!

А ты все долдонишь: "О, боже! О, боже!"
Но боги твои не спешат!»

Он плакал, и поезд на станции дальной
Сбривал оголившийся лес,
И жизнь нам казалась дробинкой случайной,
Мишени пристрелянной без.

Бодали рассвет деревянными лбами,
Сидели с братком до зари.
Мы мертвыми с ним целовались губами,
И в дым выгорали внутри.

***

«Мы умерли. Зато могли дышать...»
Пауль Целан

Ну, вот и все. Мы умерли – дыши!
Карминовый закат над головою,
Омытые любовью голыши,
Взаимному подвластные прибою.

Свободе безымянности ура!
Дай имя мне надежное, простое.
Мы были живы, кажется, вчера,
И задыхались в комнатном настое.

Там гибли розы желтые в глазах,
Нагие вещи мучили ночами,
Мы гнали страсть визжать на тормозах
И прогорать холодными свечами.

Мы подгрызали корни у небес,
Мы чтили ересь – циники, зелоты.
Теперь мы умерли, и я в тебе воскрес,
А ты – во мне. Но я не знаю, кто ты.

***

Саше Петрушкину

Под градом небесным незримых частиц –
Ландрин, монпансье, леденцы –
Шеренга солдат марширует без лиц,
Сосущие свет мертвецы.

Дрожит стеклотара зеленой слезой,
Солдаты спешат за вином,
Их лупит по темечку дождик косой,
И ближний закрыт гастроном.

Застыли в пейзаже и лошадь, и грач,
Луна в эпоксидной слюде,
Контуженный ветер, простуженный плач,
Круги по свинцовой воде.

Сгущается воздух в корунд и топаз,
И ты к нему ухом приник,
Все ждешь, будто смерть рассекретит твой час,
Наивный младенец-старик.